

Леонель проснулся взволнованным. Мгновение его глаза моргали, прежде чем он сел намного быстрее, чем следовало бы, за что он тут же пожалел.

Однако острой боли, которую он ожидал в ребрах, не последовало, из-за чего он с недоумением посмотрел на себя.

'Мои травмы исцелились...? Подожди, где я?'

Леонеля внезапно накрыла волна сенсорной информации. Известняк под его попой и руками, странный ветер, нежно дувший ему на обнажённую кожу, даже древний запах, витавший в воздухе, почти напоминавший комнату с копировальными аппаратами с лёгкой затхлостью в ней.

От этого чувства Леонеля перевернуло, он вырвал содержимое своего желудка. Просто сейчас его живот был довольно пуст, так что он смог только беззвучно стонать.

Когда его тело наконец перестало сотрясаться, у Леонеля осталось горькое чувство растерянности. Кажется, всё стало слишком громким, слишком ярким, слишком рельефным — и всё это одновременно.

Неважно, сколько Леонель ни желал бы избавиться от этого, оно, казалось, не собиралось исчезать. Он просидел там несколько часов, чувствуя себя хуже, чем за всю свою жизнь.

Мир внезапно стал слишком детализированным, чтобы он мог его воспринять. Это было так, будто он смотрел на оптическую иллюзию-головоломку, которая, если смотреть на неё достаточно долго, начинала казаться движущейся. Однако это не была оптическая иллюзия, это стало его реальностью.

Спустя полдня Леонель почувствовал, как у него горит в горле. Он испытывал жажду, которой никогда не чувствовал в своей жизни, но здесь просто не было воды, здесь были только древние руины и тела его друзей, находившихся без сознания. Он пошёл бы искать воду, если бы мог, но каждый раз, когда он пытался встать, у него кружилась голова.

Не только мир давил на него с большими подробностями, чем он был способен вынести, но и его собственное тело. Он почти чувствовал, как в голове рождаются мысли, как электрические импульсы устремляются от мозга к конечностям, как подпитывается каждая клетка при каждом сокращении. Даже простые движения стали для него мучительнее, чем наблюдение за окружающим миром.

В отчаянии Леонель медленно сбросил рюкзак со своих плеч. К счастью, когда ему пришлось использовать куртку, чтобы связать ту девушку, он снял рюкзак и повесил его на одну руку. Если бы не это, он не думает, что смог бы справиться даже с этой простой задачей.

Достав знакомую бутылку с зеленой жидкостью, он поднес ее к губам и дрожащими руками сделал несколько глотков. К сожалению, он почувствовал лишь волну отчаяния, вспомнив, что выпил остаток после того, как тренер Оуэн попросил его об этом.

Никогда в жизни он не думал, что будет скучать по рвотной браге своего отца.

Иссушенный, он все еще откидывал бутылку как можно дальше назад, слизывая слабые капли, которые касались его языка. Он не знал, было ли это из-за болезни, охватившей его, или из-за стресса последнего дня, а может, это было просто чистое разочарование, но грудь Леонэла наполнилась яростью, а глаза заслезились.

'Пап, я скучаю по тебе.'

Почему что-либо из этого происходило? Почему мир внезапно рухнул? Почему его друзья не просыпались, как бы сильно он их ни тряс?

Леонэль самоуничижительно рассмеялся. Какой он жалкий. Он не знал, как долго он был без сознания, но с момента, как он проснулся, не прошло и целого дня, однако он уже разваливался, как хрупкий младенец.

В этот момент что-то выпало из наклоненной бутылки Леонэла и оставило порез от бумаги на его носу, заставив его гримасничать. Приятно было знать, что, по-видимому, его боль тоже усилилась во много раз. Незначительный порез, а он чувствовал себя хуже, чем когда у него треснули ребра.

Медленно опустив руку, Леонэль вновь нагнулся, чтобы осторожно поднять упавшее: это был свёрток гибкого плотного материала.

«Постой... Это бумага?»

Леонэль был ошеломлен. Бумага давно вышла из употребления. Более того, её использование фактически было запрещено. Сама бумага не находилась под запретом, однако применение деревьев и прочих растений в промышленных целях строго ограничивалось Актом о защите окружающей среды от 2046 года. Как же этот предмет попал в руки отцу?

На самом деле, Леонэль бы даже не узнал её, если бы не превосходное образование. Если кто-нибудь узнает о том, что у него есть бумага, они с отцом окажутся в очень неприятном положении.

Однако, размышляя о том, каким, вероятно, стало к тому времени состояние планеты, Леонэль не смог заставить себя волноваться. Его наручные часы также больше не имели возможности отслеживать его местонахождение.

Осторожно разворачивая свёрток, он стряхнул с него кусочки зелёной грязи.

«Ко времени, когда ты прочтёшь это, меня уже не будет».

Сердце Леонэла перестало биться.

— Папа...

— Ха-ха! Ты, наверное, подумал, что я имею в виду, что умер, не так ли? Признайся, ты ведь начал плакать, верно? — на мгновение рот Леонэля приоткрылся, и он начал скрипеть зубами.

— Проклятый старик! Попадись мне только...

На какое-то время Леонэль забыл о своей странной болезни. Он безжалостно ругал отца, но на сменившую его губах улыбку облегчения реагировал мгновенно.

— Не волнуйся, на Земле нет никого, кто мог бы мне угрожать. Те парни давно не беспокоили

меня.

Леонель поднял бровь, но продолжил читать.

— Я не могу особо многое тебе рассказать. Мне хотелось поступить как в аниме-фильмах и исчезнуть без единого слова, но решил, что ты слишком плаксив, чтобы пережить это.

Леонель уже открыл рот, чтобы возразить, но вспомнив о своем недавнем почти нервном срыве, проглотил слова. А в конце концов он просто засмеялся, и его плохое настроение окончательно развеялось.

Его отец всегда был большим фанатом аниме, они часто вместе смотрели старые фильмы. Однако, только он мог пошутить в такие серьезные моменты.

'Итак, я буду краток.

'Во-первых, не пытайся будить своих друзей. Вероятно, ты проснулся намного раньше их, а они не проснутся ещё несколько месяцев. Сосредоточься на себе сейчас и воспользуйся своим блатным статусом себе на пользу.'

Выражение лица Леонеля дрогнуло.

'Не очень задумывайся над тем, что я имею в виду. Просто знай, что твоя мать не умерла и не бросила тебя. Я тоже не бросил тебя. Мы оба очень сильно тебя любим.

'Твое тело отличается от других в этом измерении, и шрам у тебя на правом бедре тоже неслучаен.'

Брови Леонеля нахмурились. У него был едва заметный шрам примерно там, где должно быть его печень. Но он уже давно не думал об этом. На самом деле, большинство людей не заметили бы этого, даже если бы он снял рубашку. Он не понимал, почему отец упомянул об этом сейчас.

Но мысль о том, что его мать жива, завладела его мыслями. Он почувствовал волнение, которое не испытывал очень давно.

У него были слабые воспоминания о матери. Его отец никогда прямо не говорил ему, что она умерла, поэтому он всегда предполагал, что это делалось для того, чтобы пощадить его чувства в связи с ее смертью. Или, возможно, чтобы пощадить его собственные чувства, потому что она их бросила.

Услышав правду, Леонел почувствовал, как с его плеч упал груз, о существовании которого он даже не подозревал.

"Второе, твоя пробужденная способность связана с твоими чувствами и разумом. Я не знаю подробностей, так как мне пришлось подавить ее в твоей юности, но сейчас она должна быть полностью развита. Это может быть ошеломляющим, но просто медитируй, пока твое тело не достигнет равновесия".

Леонел моргнул. Медитация была несложной, это было всего лишь опустошение разума. В

армии обучали такой версии, которая позволяла спать и отдыхать разуму, оставаясь при этом начеку.

Отец Леонела обучил его этому приёму, будучи четырёхзвёздным генералом. Ему было интересно изучать это, но он уже долгие годы не практиковался.

Не став медлить, Леонель попытался выполнить приём, опустошив свой разум. Медленно, подавляющее чувство рассеялось, уступив место резкости, ошеломившей Леонеля. Почувствовав себя значительно лучше, он обратил внимание на отцовскую записку.

Его поразило то, что он будто бы рассматривал слова через увеличительное стекло. Что же из себя представляет эта «пробудившаяся» способность?

«Во-третьих, я оставил тебе две вещи в подвале. Одна из них раскроет правду о том, что здесь происходит, а вторая представляет собой семейную реликвию клана Моралес. К сожалению, пока не начнётся метаморфоза, брать эти вещи и передавать их тебе напрямую будет слишком опасно. Поэтому просто восприми это как маленький квест от старика.

'Береги себя, сынок. Испытание, с которым тебе предстоит столкнуться, не похоже ни на что из того, с чем ты сталкивался раньше. Я кое-чему тебя научил, но всему научить точно не успел. У тебя будет преимущество, потому что ты первый, кто проснется, однако преимущества всегда идут рука об руку с недостатками.

'Любящий тебя отец.'

Леонель долго сидел в молчании. Он потерял счет, сколько раз перечитывал слова отца. Сам не зная того, он полностью запомнил их с первого раза, что понял, наверное, после шестого или седьмого прочтения.

Его память всегда была неплохой... но такой хорошей она определенно никогда не была.

Наконец Леонель понял, что зря теряет время. Отец сказал, что для него выгодно было проснуться первым и что это произошло как-то само собой, потому что у него иная конституция, не такая как у других. По крайней мере то, что он понял из этих слов. А раз так, сидеть здесь дольше — значит пренебречь своей удачей.

Леонель оглянулся по сторонам.

Как и все остальные, он стоял на крошащейся известняковой платформе, казавшейся смещением бледно-желтого и коричневого цветов. Окружавшие платформу колонны были сильно разрушены, большинство из них не достигали своей прежней высоты.

По четырем сторонам света вниз вели четыре лестничных пролета. Казалось, они находились на вершине какого-то храма. Но больше всего потрясло то, что за этим храмом ничего не было, кроме бесформенного пространства, бесконечной черноты без массы или вещества.

Словно почувствовав намерения Леонела, появились четыре портала, мало чем отличавшиеся от пространственного разрыва, который привел его сюда.

Ни один из них не отличался от другого. Леонел не мог сказать, были ли они все одинаковыми независимо от направления или это было намеренно оставлено на волю случая.

«Древние руны определенно являются майянским письмом. Но почему они появились здесь?»

Стиснув зубы, Леонель бросил сумку и переоделся из джинсов и водолазки в свою спортивную форму. Он не знал, что произойдет, но чувствовал, что сейчас спортивные штаны и компрессионная одежда будут ему гораздо полезнее.

Его серые спортивные штаны свисали на щиколотках, черная компрессионная футболка с длинными рукавами плотно облегла его рельефный торс. Он чувствовал себя свободнее, ему только хотелось, чтобы у него была возможность постирать их, прежде чем он снова их наденет. Этот запах был ужасный.

Немного помедлив, он также вытащил трехсекционный серебряный штырь, из которого состоял его велосипед, и скрутил их вместе, вернув им их двухметровую длину.

Леонель не был большим специалистом по боевым искусствам, однако он чувствовал, что для столь неопытного бойца, как он, использование оружия дальнего боя позволит ему оставаться в относительной безопасности. Уместно это было или нет, он не знал. Но он точно знал, что рама этого велосипеда достаточно прочная, чтобы выдержать его прыжок вниз с высоты нескольких метров. Если учесть его вес, превышающий 200 фунтов, то материал был, несомненно, очень прочным и достаточно тяжёлым.

Столкнувшись с выбранным наугад порталом, Леонель укрепился духом. Однако спустя мгновение он вновь заколебался.

Повернувшись к спящей Айне, он осторожно подложил ей под голову свою сумку и укрыл её изящные худенькие руки своим свитером. Он не смог удержаться от улыбки, когда её нос сморщился от отвращения, вероятно, почувствовав его спортивный запах.

Раньше он никогда не был так близко к ней. Более того, он впервые коснулся её. Он изо всех сил старался не воспользоваться её беспомощностью, несмотря на нежность её мягкой кожи и длинные чёрные волосы.

Её лёгкий макияж начал стираться после стольких дней. Но Леонел понял, что Айна, на самом деле, использовала какие-то хитрости, чтобы принизить свою красоту. Он не мог видеть её всю, но этого оказалось достаточно, чтобы крепко сжать его сердце. Он даже почувствовал желание стереть остатки косметики, но сдержался.

"Я надеюсь, что когда-нибудь ты покажешь мне своё истинное лицо", - безмолвно подумал он.

Быстро поднявшись, он направился к порталу.

"Я могу не выйти отсюда живым, но у тебя будет хоть что-то, чтобы меня помнить".

Мысли Леонела звучали мрачно, но его сердце было более спокойным, чем за долгое время. Зная, что его отец жив, а мать тоже, он чувствовал себя лёгким как пёрышко.

Пока он не увидит их снова, пока не услышит ответ Аины, он не намерен был умирать.

И с этими мыслями он прыгнул в водоворот голубого света и исчез.

Храм, который он оставил позади, полностью умолк, порталы сжались и окончательно исчезли. Эта тишина будет царить еще многие месяцы.

<http://erolate.com/book/4229/126551>